

Элеонора Павлюченко

Добрейшая Катерина Федоровна

В центре Петербурга на Фонтанке под номером 25, сохранился до наших дней замечательный старинный дом — в нем жили историк Карамзин и поэт Батюшков, бывали Жуковский и Пушкин. А принадлежал этот дом Екатерине Федоровне Муравьевой, вдове тайного советника. Покупая его в 1814 году, хозяйка и в страшном сне не смогла бы предвидеть свое будущее...

Дочь сенатора и барона, крупнейшего предпринимателя Ф. М. Колокольцова, Екатерина Федоровна обладала миллионным состоянием. Ее жизнь проходила в лучах блеска и славы любимого мужа — Михаила Никитича Муравьева, соединявшего в себе талант, энциклопедическую образованность и высокую нравственность. Писатель, историк, философ М. Н. Муравьев сделал блестящую карьеру: воспитатель великих князей Александра и Константина, а после вступления на престол Александра I — товарищ министра народного просвещения и попечитель Московского университета. В числе его друзей — признанные классики: Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский. Муж подарил Екатерине Федоровне тринадцать лет счастливой супружеской жизни. В Государственном историческом музее в Москве лежат письма с поцелуями «тысячу и тысячу раз», аккуратно сложенные и надписанные уже старческой рукой: «Письма моего Друга ко мне с Дежурства». После безвременной смерти мужа в 1807 году Екатерина Федоровна сохранила связи в высшем обществе и избранный круг друзей из интеллектуальной элиты. Но цель ее жизни теперь — воспитание сыновей Никиты и Александра. Любимец матери — старший Никитинка, Нико. С ранней юности он поражает близких многосторонними познаниями, склонностью к научному мышлению. «Молодой Муравьев будет украшением России, если пойдет по стопам отца, — пророчествовал Батюшков в 1815 году. — Ум дельный, большие способности и сердце своего родителя с пламенной душою матери: редкое сочетание!» Пророчество это не сбылось: в 1816 году Никита оказался в числе основателей первого тайного общества декабристов — Союза спасения...

Страстная привязанность к сыновьям давала повод недоброжелателям сравнивать Муравьеву с «самками лютых животных» и считать ее, «добрую, но недалевидную, бестолковую и тщеславную, виновной в судьбе сыновей. Но на самом-то деле ее материнская нежность и доброта распространились на многих. Племянник мужа Константин Батюшков считал, что тетушка заменила ему умершую мать «и все, что я имею драгоценнейшего в мире». Поэт годами жил в ее доме, даже тогда, когда началось тяжкое психическое заболевание и он, по словам Екатерины Федоровны, «всех тех, кого прежде любил, не мог видеть», запирался, никого к себе не пускал и «по нескольким дням бывал не евши».

К детям родственника и друга И. М. Муравьева-Апостола Екатерина Федоровна относилась как к своим сыновьям. В ее доме воспитывался Ипполит, один из трех братьев-декабристов, рано лишившихся матери; старшие Матвей и Сергей здесь часто гостят и

«любят и почитают от всего сердца» добрейшую тетушку. Когда Матвея уже в зрелом возрасте одолели приступы «желчной лихорадки», Екатерина Федоровна перевезла его к себе, пичкала хиномом, а затем поселила на своей даче. Еще один племянник мужа — Мишель Лунин, потерявший мать в пять лет, в одном из писем к «любезнейшей тетушке», благодаря за доброту, добавлял: «Вот так бы обращалась со мной моя мать».

Е. Ф. Муравьева славится гостеприимством и хлебосольством. У нее часто собираются члены «Арзамаса», объединившего передовых литераторов карамзинского направления. Сам придворный историограф читает здесь главы своей знаменитой Истории Государства Российского. С годами центром притяжения становится Никита — «умный и пылкий», по словам Пушкина. Литературные собрания у Муравьевых все больше приобретают политическую окраску.

Пушкин, частый гость в доме на Фонтанке, так запечатлел его в потаенной десятой главе «Евгения Онегина»:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты...

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои ноэли Пушкин...

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Кузен Лунин вслед за Никитой также станет членом тайного общества; через несколько лет в круг декабристов войдет и младший брат Никиты — Саша, «Хромой Тургенев» — Николай Иванович, не только единомышленник, но и сосед: дом братьев Тургеневых стоял на Фонтанке и также сохранился до наших дней под номером 20. «Беспокойный Никита» пойдет дальше других: бесспорный лидер и один из идеологов декабризма, автор знаменитого проекта Конституции.

Разумеется, мать не посвящена в тайну. Ее заботит здоровье сыновей, их карьера, женитьба Никиты... Гром грянул 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. С этого дня жизнь Екатерины Федоровны станет подвижничеством; вместе с сыновьями-декабристами она начнет свое «хождение по мукам».

19 декабря, в день ареста младшего — Саши, верный друг Карамзин сообщает Ивану Дмитриеву в Москву: «Катерина Федоровна Муравьева раздирает сердце своею тоскою. Вот нелепая трагедия наших либералистов», а 3 января 1826 года, когда уже и Никита сидел в Петропавловской

крепости, добавляет: «К нашему сокрушению оба сына Катерины Федоровны Муравьевой взяты как члены этого законопреступного Общества: Никита, то есть старший, был даже одним из начальников».

Но у Екатерины Федоровны достаёт сил, чтобы не выказывать своего смятения, и даже больше того — поддержать и успокоить впавшего в отчаяние Никиту.

«Мой дорогой Никита,— пишет она сыну в крепость 29 декабря 1825 года. — Будь абсолютно спокоен на мой счет, невидимая сила поддерживает меня, и я чувствую себя хорошо. Все дни перед образом нашего Спасителя с горячими слезами я молю его защитить тебя. Я знаю твою душу, она не может быть виновной. Тот, кто исполнял с таким усердием все свои обязанности, кто был примером сыновьего почитания, может иметь только чистое сердце. Как-нибудь заблуждения живого воображения, порожденные желанием добра и злоупотреблениями, которые ты мог видеть, произвели слишком сильное впечатление на твою душу, и единственное, о чем я тебя заклиная, сознаваться ангелу государю, которого нам дало Небо, говорить с ним с тем чистосердечием, которое я знаю в тебе и которое является достоянием такой благородной души, как твоя... Это твой долг перед твоим государем и твоей родиной».

Екатерина Федоровна крепко верит в Бога, верит, что государя посылает на землю Небо, верит, что служить родине или государю — понятия однозначные. И вместе с тем она верит в чистое сердце и благородство воспитанного ею сына, взбунтовавшегося против царя, и не боится заявлять об этом «всему свету». Для помощи арестованным сыновьям в ход пускаются все средства, вплоть до незаконных: деньги, родственные связи, влиятельные знакомства, протекция на высочайшее имя. В обширном семейном архиве Муравьевых среди сотен писем сохранились крохотные записочки, испещренные микроскопическими строчками на французском языке: через подкупленную стражу вдова тайного советника и ее невестка, жена Никиты, урожденная графиня Чернышева, вели переписку с узником Петропавловской крепости. А однажды Екатерина Федоровна попала в подкладке заключенному 500 рублей в подкладке «кавтана русского покроя», и сама стала объектом полицейского разбирательства...

10 декабря 1826 года за час до полуночи братьев Муравьевых выводят из крепости, заковывают и отправляют на каторгу в Сибирь. На ближайшей станции их ожидают мать, жена Никиты с своей сестрой. Фельдшер не разрешает проститься. Но все-таки Екатерина Федоровна сумела снабдить сыновей и их товарищей деньгами, на которые те смогли приобрести все необходимое для

дальней дороги. Она провожает в Сибирь не только сыновей, но и племянников — Лунина и Матвея Муравьева-Апостола, их друга Ивана Якушкина. Провожает, хотя власти запрещают это. На помощь Муравьевой могли рассчитывать все уезжавшие в каторжную Сибирь. Жена декабриста Юшневского по дороге в «добровольное изгнание» писала родственникам: «Я еду теперь в Сибирь, имея все, что только мне нужно. Дала Катерина Федоровна коляску, за которую заплатила 300 р. серебром и которая сделана на заказ лучшим мастером в С.-Петербурге. Одним словом, она меня так проводила в дорогу, что, если бы я была ее дочь любимая, она не могла бы больше входить во все подробности и во все мои надобности».

2 января 1827 года — еще одно прощание на вечную разлуку: на каторгу к Никите отправляется жена Александра Григорьевна. Екатерина Федоровна берет на себя не только все расходы невестки, но и заботы по воспитанию трех малолетних внуков: Лизе нет еще и года, Михайлушке — два, старшей Кате — три. Ей предстоит через год похоронить внука, а затем восемнадцатилетнюю Лизу. Катя, потеряв душевное здоровье, проживет без бабушки еще двадцать шесть лет. А в 1832 году несчастная Екатерина Федоровна получит горькую весть о смерти в Петровском заводе невестки Александрины двадцати восьми лет. Она никогда больше не увидит своих сыновей, любимца Никиту переживет на пять лет... Таково будущее. А пока Е. Ф. Муравьева покидает дом на Фонтанке в Петербурге и перебирается в Москву, чтоб быть поближе к сибирским изгнанникам. Сюда к ней стекаются все сведения о декабристах-каторжанах, корреспонденция, часто нелегальная. У нее можно было узнать о путях и средствах сношения с заключенными, о том, как послать им деньги или посылки — или же просто получить утешение и помощь от доброй сердечной женщины. Одним из посредников по передаче денег Никите Михайловичу был сибирский купец-миллионер, потом разорившийся, — Кузнецов. Много лет спустя после смерти Екатерины Федоровны он все еще навещал иногда московский дом ее внучки Софьи, родившейся на каторге; та встречала гостя «радостно и с почтением», а он для этих посещений надевал парадные клетчатые брюки в обтяжку, огромный шелковый галстук бабочкой, крахмальные воротнички, подпиравшие подбородок, завивал кок на голове... Надо ли удивляться тому, что в 1832 году провокатор Медокс, придумавший новый заговор декабристов, центральную роль в нем отводил Екатерине Федоровне Муравьевой.

Безутешная мать делает все возможное и, казалось бы, невозможное для того, чтоб

облегчить участь сыновей. Беспрепятственно беспочинит власти прошениями переселить сыновей «во внутренние губернии», изменить им место ссылки, получая на это неизменные отказы. Отправляет в Сибирь целые обозы с продовольствием, вещами, книгами, газетами. Пересылает — «для общего пользования» — значительную часть семейной библиотеки с уникальной коллекцией книг по истории эпохи Просвещения и революций XVIII—XIX вв. (После смерти Никиты Е. Ф. Муравьева жертвует ее Московскому университету, где книги хранятся и поныне.) Благодаря матери, Муравьевы делали крупные взносы в артель декабристов — от двух до трех тысяч в год.

Снабжая всем необходимым своих детей, Екатерина Федоровна с готовностью принимала и выполняла все просьбы их товарищей: для доктора Вольфа, врачевавшего союзников, шлет отличную аптечку и набор хирургических инструментов; для Николая Бестужева, увлекавшегося рисованием и оставившего нам портреты почти всех сосланных декабристов и их жен, — все необходимое для художественных занятий, а затем, когда он занялся изготовлением часов и хронометров, — «полный часовой механизм». Не считаясь со светскими условиями, Муравьева могла послать чопорной барыне Анненковой записку такого содержания: «Сударыня, я получила письмо от моей невестки, в котором она пишет, что сын ваш во всем нуждается, и я думаю, что мой долг довести это до вашего сведения».

14 декабря 1835 года братьев Муравьевых освобождают от каторжных работ и отправляют на поселение в село Урик близ Иркутска. Это хотя и небольшая, но все-таки радость. По крайней мере теперь сыновья сами, без посредников могут переписываться с матерью. Но для нее и новые заботы. Екатерина Федоровна добивается, чтоб в Урике же был поселен Ф. Вольф, необходимый для болезненной внучки Нонушки — так домашние зовут Софью, а также племянник Михаил Лунин. С ее помощью сыновья строят собственный дом, большой и удобный, окруженный садом. Когда, подобно многим другим декабристам-поселенцам, Муравьевы начинают заниматься земледелием, мать шлет им плуги, сохи и прочие сельскохозяйственные орудия. Генерал-губернатор Восточной Сибири Броневский сообщает в Петербург: «Почтенные, исполненные родственной нежности и доброты госпожи Муравьева и Уварова (сестра Лунина) сильно заботятся предупреждать всякие нужды Муравьевых и Лунина». Тетка и племянница, собираясь вместе, непрерывно говорят «о Сибири и дорогих объектах нашей любви, не боясь наскучить одна другой».

С новыми заботами приходят и новые

огорчения. В марте 1841 года происходит еще одно бедственное событие. Внезапно арестовывают вторично и увозят на каторгу Лунина. Там, на Акатуе, он и нашел через несколько лет свою смерть. Одновременно с арестом Лунина в доме Никиты Муравьева производится обыск, едва не кончившийся и его арестом. Слухи об этом чрезвычайном происшествии быстро дошли до Петербурга и Москвы. В крайнем волнении Екатерина Федоровна пишет теще Ивана Якушкина, Н. Н. Шереметевой: «Вы можете представить, добрая и почтенная Надежда Николаевна, в каком я смущении и страдании. С 23-го марта я не получила писем от милых сердцу моему. Я писала в Петербург, чтоб узнали, отчего это, мне отвечали, что письмо есть, но оно остановлено, потому что они пишут, что жалеют об Луине. В это же почти время проезжал Руперт (генерал-губернатор Восточной Сибири) и уверял меня, что мои все покойны и один только Лунин и что его дело совсем кончено... А в прошедшее воскресенье 25-го мая я получила письма от Катерины Сергеевны Уваровой и Веры Алексеевны Муравьевой, в которых они меня умоляют как можно скорее приехать в Петербург, не теряя время, и опять повторяют, что письмо ко мне остановлено, и больше ничего не говорят. Эти письма через три дня получила я после отъезда Руперта. Вы можете представить мое страдание, я была очень нездорова, насилу собрала силы по милосердию Божию! Ездил на один день к Троице, вчера ввечеру возвратилась. Завтра переезжаю в город, и через два дня, ежели Господь поможет, то хочется ехать в Петербург... Теперь четыре недели, что не имею писем». Годы спустя Сергей Трубецкой вспоминал этот драматический эпизод сибирского изгнания: «Хотели к делу приплесть Никиту Муравьева по родству его и приязни с Луниным, полагая, что он был участником в сочинении некоторых из писем, и матери его, Екатерине Федоровне, много стоило выгородить сына своего». В Сибири долго толковали о том, что при аресте Лунина Муравьев сумел сжечь крамольные сочинения кузена, а вместе с ними и собственные труды. Одно из последних, по существующей версии, было «захвачено III отделением»; извещенная об этом доброжелателем Екатерина Федоровна за сто тысяч выкупила «манускрипт» и сожгла его... Позднейшие исследования историков доказали непосредственное участие Никиты Муравьева в «действиях наступательных» Лунина, их совместную работу над созданием сочинений опасных для властей. Поэтому более чем вероятно, что в 1841 году Н. М. Муравьев уцелел благодаря активному вмешательству матери, обладавшей не только энергией, но и большими связями и деньгами.

Прошло еще два года, и Никита Михайлович, не дожив до пятидесяти лет, неожиданно умирает после обычной простуды. Четырнадцатилетняя Нонушка остается круглой сиротой. Когда-то, в 1832 году, сразу после смерти Александры Григорьевны, Екатерина Федоровна безрезультатно хлопотала о разрешении похоронить Александрину в Москве, а ее осиротевшую дочь отдать бабушке. На все просьбы «Его Императорское Величество изволило отозваться» отказом:

«1-е) Что перевезение тела невестки г-жи Муравьевой в Москву никак дозволено быть не может.

2-е) Что равномерно не может быть дозволено г-же Муравьевой взять к себе малолетнюю ее внучку Софью, родившуюся в Сибири, ибо несообразно было бы воспитание ее вместе с сестрами, у г-жи Муравьевой находящимися, которые принадлежат к дворянскому сословию, между тем как она рождена в податном состоянии...»

На этот раз, казалось, унизительные прошения Екатерины Федоровны привели к положительному результату: Софью-Нонушку из Иркутска в сопровождении фельдъегеря отправляют к бабушке в Москву. «Дай Бог ей, — папуствовал общую любимицу Иван Якушкин, — найти в том мире, где она скоро будет, по крайней мере часть тех забот и расположений, которые окружали ее до сих пор. Что кажется достоверным в настоящий момент, это то, что Катерина Федоровна будет очень рада иметь ее в Москве: надо надеяться, что провидение позаботится о бедной девочке и поможет ей найти путь среди всех горестей, которые окружают ее».

Однако свидание бабушки с внучкой оказалось недолгим. Софью тут же определяют в Екатерининский институт, но под фамилией «Никитина» — по имени отца, что дает Марии Волконской повод для справедливо возмущения: «Если честные люди находят искренно, что мы хорошо сделали, последовав за нашими мужьями в изгнание, то вот награда Александрина, этой святой женщине, которая умерла на своем посту для того, чтобы заставить дочь свою отречься от имени своего отца и своей матери».

Но Софья Муравьева не отреклась. Она не откликнулась на фамилию «Никитина», и ее звали по имени. В семейных преданиях сохранился рассказ о посещении Екатерининского института императрицей Александрой Федоровной, которая спросила девочку: «Почему, Нонушка, ты мне говоришь «мадам», а не называешь «маман», как все девочки?» И та ей ответила: «У меня есть одна только мать, и та похоронена в Сибири».

Екатерина Федоровна тоже не отреклась от своих сыновей — даже тогда, когда

власти объявили их государственными преступниками. Вся ее жизнь — самоотверженное служение ближним, сострадание, стремление взять на себя хотя бы часть вины другого и тем облегчить его ношу. Из поколения в поколение у Муравьевых переходило предание, как «она чуть с ума не сошла от горя и целые дни и ночи молилась. От долгого стояния на коленях у нее на них образовались мозоли, так что она не могла ходить и совершенно ослепла от слез...»

Всматриваясь в портрет Екатерины Федоровны с сыном Никитой, написанный Ж.-Д. Монье в начале десятих годов прошлого века (сейчас он находится в Москве в Музее изобразительных искусств), любуешься счастливой молодой женщиной, матерью любящей и любимой...

Перебираю пожелтевшие от времени листы семейного архива Муравьевых. Документы, деловые бумаги.

Сотни писем...

1813 год. Юношески восторженные письма «покорного сына» Никиты: восемнадцатилетний прапорщик гвардии, впервые покинувший родной дом, отправляется в заграничный поход против Наполеона. Год волнений и страхов за жизнь сына «любезнейшей маминьки».

1817—1818 годы. Подпоручик Гвардейского генерального штаба Н. М. Муравьев вместе с гвардией в Москве. Мать беспокоит слабое здоровье сына, времяпрепровождение. А он уже член тайного общества и в Москве всерьез обсуждает — уже не в первый раз — возможности цареубийства...

1821—1822 годы. Братья Муравьевы на мневрах гвардии в западных губерниях. Мать волнуется из-за медленного продвижения по службе старшего сына. Однако сам Никита занят не столько службой, сколько сочинением Конституции, ограничивающей власть монарха.

1826 год. 490 писем матери и жены к Н. М. Муравьеву — узнику Петропавловской крепости. В них любовь, поддержка, утешение, надежда. Переплетенные в увесистый том, письма вместе с их адресатом отправляются в сибирскую каторгу.

Сотни писем из Москвы в Сибирь и обратно. И так до 1848 года, когда Екатерина Федоровна, пережившая старшего сына и не дождавшаяся возвращения младшего, умирает на семьдесят восьмом году жизни. Подвижничество Е. Ф. Муравьевой заметили и оценили уже ее современники. М. П. Погодин, известный историк и публицист, написал прочувствованный некролог, в котором называл Екатерину Федоровну замечательной женщиной, а Иван Киреевский сожалел лишь о том, что сказано о ней слишком мало. Для многочисленных родственников, друзей, знакомых она осталась «добрейшей Катериной Федоровной».